

Н. Д. КОЧЕТКОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОСВЯЩЕНИЯ В РУССКИХ ИЗДАНИЯХ
XVIII—НАЧАЛА XIX ВЕКА

Статья 1. Особенности жанра

Еще в античной литературе возникал «зазор» «между литературной условностью и литературным бытом.¹ Важную роль в преодолении этого «зазора» стали играть литературно-документальные жанры (письма, дневники, мемуары), а также самое обрамление книги: предисловия, обращения к читателю, послесловия, посвящения.

В древнеримской литературе посвящение сформировалось как панегирический жанр и в этом качестве существовало в течение веков, нередко принимая откровенно сервильный характер. Многочисленны примеры такого рода в литературе Франции XVII века: классическим примером стало знаменитое посвящение финансисту Монтерону трагедии П. Корнеля «Цинна», написанное за 200 пистолей.

Традиция предвартать свои произведения посвящениями настолько прочно укоренилась в европейской литературе, что эти тексты приобрели определенную автономность, подчиняясь своим особым законам и правилам.² В XVIII столетии посвящение («dedication») получает форму «посвятельного письма» («dedicatory epistle»): оба термина становятся синонимами.³ Ж. Женетт обращает внимание на два значения слова «dédicace» во французском языке, легко разграничиваемые благодаря существованию двух разных глаголов: «dédier» (посвятить) и «dédicacer» (сделать дарственную надпись). Соответственно исследователь разграничивает жанры посвящения (текста, присутствующего во всем тираже книги) и дарственной надписи, сделанной на одном экземпляре.

В русском языке XVIII века слова «дедикация», «дедиковать» употреблялись как синонимы слов «посвящение», «приписание»; «посвятить», «приписать».⁴ «Дедикация» могла быть и письменной (в частности, на

¹ Аверинцев С С Поэтика ранневизантийской литературы. М, 1977 С 184.

² См Genette G Paratexts Thresholds of interpretation / Translated by J E Lewin Cambridge, 1997 P. 117–143. Приношу благодарность В. Росслин за помощь в ознакомлении с этим исследованием

³ Там же С. 118–119. См также Leimer W Der Widmungsbrief in der französischen Literatur (1580–1715) Heidelberg, 1965

⁴ См Словарь русского языка XVIII века Л, 1991. Вып 6 (Грызтья — Древный) С 69

подносом экземпляре), и печатной, растиражированной. Изучение дарственных надписей, т. е. надписей, сделанных на одном экземпляре печатного издания,— это особая тема. Предметом нашего внимания будут именно посвящения — тексты, присутствующие, как правило, во всем тираже.⁵

Жанр посвящения формируется в русской литературе XVIII века с учетом как европейского опыта, так и национальных традиций обрамления книги. В древнерусской литературе рукописные и старопечатные книжные предисловия и послесловия были обращены сразу ко многим читателям или слушателям — «господии и братии», «всем человеком», всему «мирови» и т. д., причем, как правило, по сравнению с самим текстом произведения, они имели более светский характер. Функциональные возможности этих текстов, непосредственно соединявших автора и читателя, широко использовались в славянских литературах XVI–XVII веков. Тематика и стилистика белорусских, польских, русских, украинских предисловий и послесловий в книгах этого времени достаточно разнообразна.⁶ Постепенно появляются и предисловия-посвящения или «посвятительные предисловия», обращенные к государю и имеющие панегирический характер.

Если в древнерусских предисловиях основным компонентом было прославление правящего монарха, то в конце XVII—начале XVIII века тематика предисловий существенно расширяется, включая и филологическую проблематику и пропаганду новых общественных идей. Все это оказывается той основой, на которой формируется жанр посвящения в русской литературе XVIII столетия, ориентировавшейся одновременно и на европейский опыт. Начиная с Петровского времени в России все большее распространение стали получать книги на европейских языках: польском, французском, немецком, в меньшей степени английском, итальянском и других. Интенсивное расширение переводческой деятельности русских литераторов⁷ способствовало усвоению принятых правил обрамления книги, в том числе и определенных формул посвящения. Однако при переводе посвящения зарубежных авторов, как правило, не переводились, но часто заменялись собственными.⁸ Если Ш. Монтескье демонстративно отказывался от посвящений покровителю,⁹ то русский переводчик его

⁵ В русской издательской практике XVIII века были, разумеется, исключения: иногда в части тиража посвящение одному лицу заменялось другим. Так, посвящение Анне Леопольдовне в переводе книги Б. Грасиана-и-Моралеса «Придворный человек» (1741), осуществленным С. С. Волчковым, в части тиража было заменено посвящением только что вступившей на престол Елизавете Петровне.

⁶ Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 12–26, 71–253 (авторы глав — А. С. Демин, А. С. Елеонская, А. С. Курилов, Л. И. Сазонова, Л. И. Софронова).

⁷ См.: История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995–1996. Т. 1. Проза. Т. 2. Драматургия. Пoesия.

⁸ Редкий случай перевода книги вместе с посвящением даже ввел в заблуждение одного из авторов «Словаря русских писателей XVIII века». В статье об Иване Крюкове указано, что ему принадлежит перевод книги Ш. Роллена «Способ, которым можно учить и обучаться словесных наук» (1774–1783; 2-е изд. 1789) с посвящением «ректору и университету». Однако текст представляет собой не что иное, как перевод посвящения самого Роллена.

⁹ См.: Genette G. Paratexts. P. 121–122.

«Персидских писем» Ф Пospelов предпослал книге посвящение-панегирик П. В. Завадовскому, «под вожделеннейшим начальством» которого он служил.¹⁰

Посвящения могли быть в прозе и в стихах, объем их очень различен. Иногда они представляют собой развернутые трактаты, как например посвящение Н. С. Мордвинову, предваряющее поэму С. С. Боброва «Таврида» (1798); иногда очень краткие: посвящение книги П. Урусова «Оттенки моего сердца» (1802), состоит из одного слова: «Тебе***».

Русские посвящения XVIII столетия только начинают становиться предметом специального литературоведческого изучения. Обычно к литературным посвящениям в русской книге XVIII—начала XIX столетия обращались как к источнику сведений об авторе или переводчике В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века 1725–1800» (М., 1963–1975. Т. 1–5 и «Дополнения. Разыскиваемые издания») атрибутированы многие издания благодаря подписям под посвящениями, однако адресаты посвящений указаны лишь в исключительных случаях. Этот пробел в какой-то степени восполняет «Словарь русских писателей XVIII века» (Л., 1988. Вып. 1. А–И; СПб., 1999. Вып. 2. К–П). Однако и здесь далеко не во всех статьях названы адресаты посвящений. Кроме того, очень многие третьестепенные литераторы не включены в «Словарь». Между тем посвящения, которыми они сопровождали свои сочинения или переводы, тоже представляют немалый интерес. Наличие или отсутствие посвящения может служить важным обстоятельством при атрибуции переводов, имеющих дословные совпадения. Так, В Д. Рак показал, что из двух почти одновременно вышедших в Петербурге и в Москве в 1788 году переводов произведения английского поэта М. Прайора «Гейнрих и Эмма...» и приписанных в «Сводном каталоге» Н Маркову, лишь один, содержащий посвящение с его подписью, принадлежит этому переводчику.¹¹

Г. А. Космолинская, обследовавшая сравнительно небольшую группу изданий учебно-воспитательного характера, хранящихся в собрании Научной библиотеки Московского государственного университета (136 номеров), отметила имеющиеся там посвящения и сделала ряд очень ценных наблюдений.¹² Так, исследовательница справедливо отмечает, что «хотя в книжном репертуаре пока преобладала переводная книга, в предисловии и посвящении к ней переводчик (реже — издатель) имел возможность высказаться без посредников, изложить прежде всего „побудительные причины“ и цели своего труда».¹³ Приводимые далее примеры посвящений в книгах учебного и морально-философского характера дают

¹⁰ Персидские письма из сочинений г Монтеスキо Переведены с французского языка <Ф Пospelовым> СПб, 1789 С 5–6 нenum

¹¹ См Рак В Д 1) Марков Николай // Словарь русских писателей XVIII века СПб, 1999 Вып 2 (К–П) С 272–273, 2) Индивидуальное и коллективное в переводах московских студентов (конец XVIII века) Гипотеза // Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia, Ucraina e Russia XVI–XVIII secolo Edizioni dell'Orso, 1999 P 387–391

¹² См Космолинская Г А Памятники учебно-воспитательной литературы второй половины XVIII века в собрании Научной библиотеки МГУ // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета М, 1987 С 5–40

¹³ Там же С 11

представление о значительной роли этих текстов в формировании литературной культуры эпохи

Конкретному автору — Кирияку Кондратовичу — была посвящена работа Л И Бердникова «Из истории книжного посвящения в России (Кириак Кондратович и Господин Господиневич)»¹⁴ Остановившись на книге Кондратовича «Старик молодой» (СПб, 1769), исследователь замечает, что автор, поместивший в конце издания посвящение некоему вымышленному «милостивцу» Господину Господиневичу, решительно нарушает принятые каноны Л И Бердников рассматривает Кондратовича как «новатора, одним из первых в России сознательно нарушившим строгую иерархию элементов структуры книги того времени», и упоминает о давней сложившейся традиции панегирических посвящений, но специально ее не характеризует

Важнейший вклад в изучение интересующей нас темы вносят работы польских исследователей, прежде всего обратившейся к русскому материалу Анны Варды Первоначально внимание исследовательницы, как и у Л И Бердникова, было сосредоточено на «антидедикациях» — пародийных предисловиях и посвящениях в изданиях М Д Чулкова, Н П Осипова, В С Березайского и анонимных авторов¹⁵ Говоря о традиционной схеме «автор—читатель—книга», А Варда убедительно показывает, как изменяется «внешняя, формальная связь между этими компонентами», сообщая тексту полемический характер¹⁶ Наконец, появилась книга А Варды,¹⁷ в которой на обширном материале проанализирована самая значительная группа русских посвящений XVIII века — посвящения меценатам В книге совершенно правомерно ставится вопрос о дедикации как самостоятельной форме, связанной с определенным культурным этикетом и отражающей литературное сознание эпохи Исследовательница показала на многочисленных примерах, сколь различны были поводы написания посвящений Она выявила основную структуру традиционного посвящения, ее главные элементы и повторяющиеся формулы

Однако несмотря на существование определенного эталона, который выделяют исследователи на материале как европейской, так и русской литературы, тематика и стилистика посвящений варьируется чрезвычайно широко, даже в пределах анализируемой А Вардой группы панегири-

¹⁴ Впервые Альманах библиофила М, 1989 Вып 25 С 142–153 То же в кн *Бердников Л И Счастливый Феникс* Очерки о русском сонете и книжной культуре XVIII—начала XIX века СПб, 1997 С 162–174

¹⁵ *Варда А Антидедикация как форма литературной полемики (на материале русской демократической прозы второй половины XVIII века)* // *Русская проза эпохи Просвещения Новые открытия и интерпретации* / Под ред Э Малэк Łódz, 1996 С 133–142

¹⁶ Там же С 134

¹⁷ *Warda A Z obserwacji nad dedykacjami mecenasowskimi w osiemnastowiecznej Rosji* Łódz, 2000 85 s Как указывает автор, ею учтено около 400 посвящений Кроме именного указателя книга содержит указатель 109 изданий с посвящениями (названия приведены в алфавите по-польски, затем следует русское название книги) К сожалению, в тексте и постраничных примечаниях далеко не всегда указаны адресаты посвящений Кроме того, в библиографических описаниях переводных книг часто не называются авторы сочинений начинаются описания с фамилии переводчика (автора посвящения), что затрудняет идентификацию изданий

ческих посвящений. Едва ли правомерно относить к одному типу мецената влиятельного вельможу и директора учебного заведения. Особого рассмотрения заслуживают посвящения государю и членам царской семьи. Как и в хвалебных одах, помимо традиционных комплиментарных формул, во многих таких посвящениях содержались высказывания по актуальным вопросам политики и общественной жизни. Соответственно отношения автора и адресата посвящения далеко не всегда сводились к отношениям просителя и покровителя. Если же обратиться к другим, тоже достаточно значительным группам (посвящения наставнику, соученику, другу, члену семьи и др.) картина окажется еще более сложной и разнохарактерной.

Можно говорить о посвящении именно как о самостоятельном жанре, весьма близком предисловию, но вместе с тем имеющем и свои особые функции, и специфические черты. Показательно, в частности, что ряд изданий XVIII века сопровождался и посвящением, и предисловием. На протяжении десятилетия жанр, как и все прочие, изменялся, отражая те перемены, которые происходили в общественно-литературном сознании. При этом одновременно могли существовать разные типы посвящений, связанные с разными традициями и разными собственно литературными жанрами.

Прежде всего важно установить, в чем сходство и в чем основные различия посвящений и предисловий или «предупреждений». И тот и другой текст, предваряя книгу, определенным образом настраивают читателя. Нередко здесь сообщаются сведения о публикуемом произведении, его авторе (если это переводное сочинение), говорится о причинах, побудивших автора или переводчика взяться за этот труд, о его целях и задачах. Таким образом, текст ряда посвящений, так же как и предисловий, имеет программный характер, превращаясь иногда даже в своеобразный миниатюрный трактат, посвященный важному историко-литературному вопросу и имеющий самостоятельное значение. Основное различие предисловий и посвящений в этом случае достаточно формально: первые обращены к читателю вообще, вторые к какой-то группе читателей или конкретному лицу.

Подобный тип посвящений-предисловий, восходящий к традициям и древнерусской книжности, и европейской литературы, рано получает распространение в России XVIII века и сохраняется на протяжении всего столетия. Как показала Л. А. Черная, в переходный период русской культуры (конец XVII—начало XVIII века) в книжных предисловиях все большее значение приобретает авторское начало: «человеческое „я“ выходит на страницы книг: через книгу передаются собственные знания, опыт, наблюдения над жизнью».¹⁸ Одновременно появляются и более дифференцированные характеристики читателя, в котором автор хочет видеть своего единомышленника: читатель «трудолюбивый», «мудролюбивый», «доброхотный истории любитель» и т. п. Появляются предисловия, обращенные «не к читателю вообще, а к определенной группе (возрастной, социальной)».¹⁹

¹⁸ Черная Л. А. Русские книжные предисловия конца XVII—начала XVIII в. (защита «мирских» книг и «гражданских» наук) // Тематика и стилистика предисловий и послесловий. С. 254.

¹⁹ Там же. С. 258.

Это последнее обстоятельство особенно существенно при сопоставлении предисловий и посвящений: здесь граница между этими жанрами почти стирается. Посвящение группе лиц как бы сужает читательскую аудиторию, к которой непосредственно обращается автор, и это обращение вместе с тем выявляет его собственную социальную принадлежность, общественную или литературную ориентацию. Один и тот же автор мог использовать разные виды посвящений — выбор определялся обстоятельствами создания и публикации книги, ее содержанием, утилитарными намерениями автора, его отношением к адресату или адресатам.

Помещая в книге и развернутое посвящение, и предисловие, писатели XVIII века чаще всего разграничивали их содержание следующим образом: в первом, обращенном к конкретному лицу, преимущественное внимание уделялось адресату, его отношению к автору и автора к нему; во втором, обращенном к читателю вообще, — содержанию книги, целям и задачам сочинителя или переводчика. Так, В. Т. Золотницкий (1741 или 1743 — после 1797), посвящая свое сочинение «Общество разнородных лиц, или Рассуждение о нравах человеческих» (1766) П. И. Панину, восхвалял его заботы о науках, благодарил его за покровительство и высказывал надежду на дальнейшую помощь. В «Предисловии» же он говорил о своем намерении «услужить обществу» и выражал надежду на понимание со стороны «разумных читателей».²⁰ Книга Л. Гольберга «История разных героинь...» (1767) в переводе Золотницкого имела три предваряющих ее текста: развернутое посвящение великому князю Павлу Петровичу, «Предисловие от трудившегося в переводе» и, наконец, своеобразное продолжение этого «Предисловия» под заглавием «Для известия». Посвящение имеет вполне традиционный панегирический тон; «Предисловие» содержит небольшое назидательное рассуждение о правилах государственного правления, основанное на примерах, содержащихся в книге; наконец, в заметке «Для известия» переводчик сообщает «благоклонному читателю» о своих принципах перевода: «...не столько смотрел на слог немецкого языка, сколько по большей части наблюдал свойство и выражение российского...»²¹ И. И. Завалишин (1769 или 1770–1821) сопроводил свою книгу «Сокращенное землеписание Российского государства...» (1792) посвящением начальнику Ф. Е. Ангальту, восхваляемому как «чадолюбивейший отец, кроткий наставник, беспристрастный шеф, истинный друг и не дремлющий о благе их <питомцев> попечитель» и т. д. В следующем за текстом посвящения «Предупреждении» автор, говоря о содержании своей книги, писал: «Хотя я ведаю, что труд мой имеет в себе многие недостатки, однако ж льщусь надеждою, что усердие, с каковым я его соотчичам предлагаю, заменит оные».²² Этикетное умаление достоинств своего труда и своих способностей могло иметь место и в по-

²⁰ Золотницкий В. Т. Общество разнородных лиц, или Рассуждение о нравах человеческих. СПб., 1766. С. 9–10 нenum.

²¹ История разных героинь и других славных жен, сочиненная Лудовиком Гольбергом, которую на российский язык перевел с прибавлением от себя предисловия и на некоторые места примечаний Владимир Золотницкий. СПб., 1767. Ч. 1. С. 19 нenum.

²² Завалишин И. И. Сокращенное землеписание Российского государства, сочиненное в стихах для пользы юношества. СПб., 1792. С. XII.

священии, и в предисловии, так что грань между этими жанрами неизменно оставалась достаточно зыбкой. И тот и другой текст мог содержать сведения о предлагаемой книге или об ее авторе, если это был перевод, а не оригинальное сочинение. И в предисловии, и в посвящении можно встретить упоминание о том, что книга представляет собой «первый плод» трудившегося над ней литератора, что работал он в «свободное от должности» время и т. п. Однако приведенные примеры обнаруживают известную закономерность: автор, который не довольствуется посвящением, но прибавляет к нему предисловие, стремится подчеркнуть, что его книга обращена не только к названной персоне, но и к «благоклонным читателям», «разумным читателям», «соотчичам».

Издавая «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735), Тредиаковский предварил его развернутым посвящением группе лиц: «Всем высокопочтеннейшим особам, титулами своими превосходнейшим, в российском стихотворстве искуснейшим и в том охотно упражняющимся, моим милостивейшим господам». Чувствуя себя нововводителем и стремясь приобрести сторонников предлагаемой им системы стихосложения, Тредиаковский вмещает в свое посвящение и похвалу «искуснейшим», «благоразумнейшим», «правду любящим», и традиционную самоуничижительную формулу, упоминая о «малой и весьма недействительной искре» своего ума.²³ Это посвящение в сущности почти не отличается от обращений к «благожелательному читателю», в котором автор хочет видеть компетентного знатока, умеющего по достоинству оценить предлагаемый его вниманию труд. Однако в отличие от предисловия текст обращен к достаточно узкой группе читателей — к собратьям по перу, к тем, кто сам «упражняется в российском стихотворстве». Зная участников переводческого Российского собрания при Академии наук, нетрудно назвать тех, к кому обращался автор «Нового и краткого способа»: В. Е. Адодуров, И. И. Тауберт, М. Шванвиц. Хотя их имен в посвящении нет, из текста явствует, что автор и «высокопочтеннейшие господа», к которым он обращается, связаны общими интересами, что автор причастен к той группе лиц, которой посвящается его книга.

Персональные посвящения преобладают в русских изданиях XVIII века, но и посвящения группе лиц появляются на протяжении всего XVIII и в начале XIX столетия у разных авторов в разных обстоятельствах. Книжки посвящаются иногда, как и у Тредиаковского, научному сообществу. Например, Д. Е. Дамаскин (Семенов-Руднев) (1737–1795), известный своими филологическими трудами, предпосылает изданному им «Собранию разных сочинений в стихах и прозе» М. В. Ломоносова (1778) обширное посвящение, обращенное к «почтеннейшим господам Вольного Российского собрания членам, о поправлении и обогащении российского языка старающимся». Приветствуя создание Российского собрания, Дамаскин предлагает ему в этом посвящении развернутую программу дальнейшей деятельности: «... главное ваше намерение состоит в том, чтобы россий-

²³ Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий. Чрез Василья Тредиаковского. СПб., 1735. С. 3 нenum.

ский язык удобрить, обогатить и до самого высочайшего степени совершенства довести. Если что другое, то сие ваше намерение всякой похвалы достойно и предостойно; для того наипаче, что вы, посредством оного, воспрепятствуете природному нашему языку от неискусных сочинителей и переводчиков быть испорчену; что положите ему твердые и известные пределы, за которые никто выступать не должен будет; что сверх того еще единомудушным вашим признанием и одобрением введете в него такие речения и выражения, которых в нем еще нет, или, хотя и есть, но от одних в таком, а от других в другом смысле употребляются».²⁴ Далее ученый монах подробно излагает свои представления о путях совершенствования русского языка, считая необходимым обращение, с одной стороны, к греческим и латинским авторам, а с другой — к церковным книгам и сочинениям такого «примерного автора», каким он считает Ломоносова. Текст посвящения Дамаскина — это небольшой трактат, в котором обсуждаются насущные языковые вопросы. Заслуживает внимания и подпись, отличная от обычных посвящений: издатель Ломоносова обращается к членам Вольного Российского собрания не как «покорный слуга», а как член сообщества ученых людей, сохраняя и учтивость, и чувство собственного достоинства и перечисляя собственные титулы: «Всеусердный доброжелатель, Московской славяно-греко-латинской Академии ректор, священной богословии профессор, Геттингенского Исторического института член архимандрит Дамаскин».²⁵ По своему содержанию пространный текст этого посвящения тесно соотносится с «Предисловием о пользе книг церковных в российском языке» Ломоносова, открывавшим его «Собрание разных сочинений в стихах и в прозе» (1757). Таким образом, жанровое различие между посвящением и предисловием в данном случае достаточно формально и означено только наличием или отсутствием обращения и подписи.

Часть групповых посвящений XVIII—начала XIX века связана с учебными заведениями. Как правило, эти посвящения предваряют книги нравоучительного или учебного характера.²⁶ Студент, а затем преподаватель Славяно-греко-латинской академии А. А. Мельгунов (р. 1765) книгу своих переводов («Молодым детям наука» Эразма Роттердамского и «Руководство к мудрости» Х. Л. Вивеса, 1788) открыл словами: «Московской Славено-греко-латинской Академии ученикам усерднейшее приношение» Ф. В. Каржавин (1745–1812) в подготовленном им учебнике («Вожак, показывающий путь к лучшему выговору букв и речений французских», 1794) обратился с письмом-посвящением на французском языке к членам конференции Московского университета. В. С. Подшивалов (1765–1813) адресовал свою книгу «Краткая русская просодия, или Правила, как писать русские стихи» (1798) воспитанникам Московского благородного пансиона. Текст его посвящения имеет подпись и дату: «Издатель. 23 февраля 1798 г.». И. В. Лопухин (1756–1816), который во время своего пре-

²⁴ Покойного статского советника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова собрание разных сочинений в стихах и в прозе М., 1778 Кн 1 С 3 нунум

²⁵ Там же С 10 нунум

²⁶ См об этом также *Космолинская Г А* Памятники учебно-воспитательной литературы С 12–13

бывания в Казани в 1800 году перевел книгу «Изображение истинного христианства...», посвятил этот труд «учащим и учащимся в Казанской академии и в семинарии Вятской». А. А. Палицын (кон. 1740-х — нач. 1750-х гг.—1816), издавая свой перевод поэмы Ш.-Г. Мильвуа «Независимость писателя» (1813), писал: «Императорского Харьковского университета питомцам, посвятившим себя словесности. Александр Палицын, сочлен университета».

Во всех этих и подобных примерах группа лиц, которым посвящается книга, объединена по самому общему признаку: все они связаны с одним и тем же учебным заведением; в некоторых же случаях — с одним и тем же городом. Так, А. В. Олешев предпослал своей книге «Начертание благоденственной жизни...» (1774) развернутое посвящение «Вологодской провинции почтенному дворянству». ²⁷ Н. М. Карамзин посвятил отдельное издание своего стихотворения «Освобождение Европы и слава Александра I» (1814) «Добрым москвитянам». ²⁸

Иногда литераторы в групповом посвящении стремились определить желаемые качества единомышленников, одновременно декларируя собственную позицию. Так, И. В. Лопухин открывает свою книгу «Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями и опровержение их вредных правил» (1780) словами: «Чтущим Бога и любящим добродетель усердно посвящаю». Подобным же образом А. Львов сопроводил свой перевод книги «Иисус, всяческая во всех представляемый христианину...» (1804) посвящением «Господу Иисусу и верным ученикам его». Дидактическая установка несомненна в ряде изданий ректора Троицкой духовной семинарии, а затем ректора Славяно-греко-латинской академии А. Д. Байбакова (Аполлоса) или писателя-разночинца И. В. Нехачина (1771–1811), которые посвящали свои труды «Богу, церкви и отечеству», «Отечеству», «России, любезному, знаменитому и Богом благословенному моему отечеству», «Россиянам-соотечественникам», «Российскому юношеству». ²⁹ Развернутый лирический этюд представляет собой посвящение «душам благородным и чувствительным» в книге М. А. Пospelовой (1780–1805) «Некоторые черты природы и истины, или Оттенки мыслей и чувств моих» (1801). Все эти тексты, иногда предельно краткие, иногда весьма пространные, сразу же дают общее представление и об авторе, и о содержании книги.

«Приношение» И. П. Тургенева (1752–1807), предвещающее его перевод книги Дж. Мейсона «Познание самого себя» (1783), обращено к «благодетелям и друзьям». Имена их не названы, но в этом случае, зная био-

²⁷ Об А. В. Олешеве и его книге см.: Лазарчук Р. М. Литературная и театральная Вологда 1770–1800-х годов. Из архивных разысканий. Вологда, 1999. С. 114–134.

²⁸ Позднее стихотворение предвлялось словами: «Посвящено московским жителям» (Карамзин Н. М. Сочинения. М., 1820. Т. 1. С. 241).

²⁹ См.: Степанов В. П. 1) Байбаков Андрей Дмитриевич (в монашестве Аполлос) // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. (А–И). С. 49; 2) Нехачин Иван Васильевич // Там же. СПб., 1999. Вып. 2 (К–П). С. 345–347. Следует отметить, что второе издание своего перевода сочинения Дж. Бона «Христианская философия...» (1782), в отличие от первого (1774), посвященного Е. Р. Дашковой, А. Д. Байбаков предварил стихотворным «благоевнейным» посвящением «Любезному Отечеству».

графию Тургенева, нетрудно определить адресатов — это Н. И. Новиков и другие члены Дружеского учебного общества, в частности А. М. Кутузов, И. В. Лопухин, М. М. Херасков. Самый текст «приношения» может служить интересным автобиографическим свидетельством и документом, раскрывающим характер взаимоотношений участников Новиковского кружка. «Внимая учению вашему, — писал Тургенев, — нашел я вкус в предлагаемой здесь материи».³⁰

Особую разновидность составляют групповые посвящения, обращенные к женщинам. Естественно, в книгах с такими посвящениями главной становится любовная тема, правомерность которой в 1760–1770-е годы все еще требовала какого-то обоснования. А. В. Храповицкий (1749–1801) сопроводил свой перевод галантного «Любовного лексикона» (1768) Ж.-Ф. Дрё дю Радье текстом, озаглавленным: «Красавицам усердное приношение»³¹ и оформленным по правилам письма-посвящения, т. е. с обращением к «милостивым государыням» и подписью: «Вам преданный слуга переводчик». Вспоминая пример Овидия, Храповицкий объясняет читательницам, что «тогда еще любовь сделалась наукою; но ныне она пришла в гораздо большее совершенство и приняла разные наречия, для коих потребно изъяснение».³² Ф. И. Дмитриев-Мамонов (1727–1805) предварил издание своей поэмы «Любовь» (1771) «Эпистолой к красавицам», начинающейся следующими строками:

Кому я припишу, красавицы, мой труд?
Кому здесь яблочко вручит Парисов суд?
О, вам! которые красою столь прелестны;
Которы в нежности имеют дар небесный.³³

Далее автор стремился убедить «красавиц», что «истинна любовь есть точно добродетель» и что «не враг Купидо — друг». Хотя этот текст может быть рассмотрен как самостоятельное стихотворение, функционально он представляет собой разновидность интересующего нас жанра — стихотворное посвящение.

Как и его предшественники, А. П. Сумароков, издавая свои «Эклоги» (1774), также предпослал им развернутое посвящение «Прекрасному Российского народа женскому полу». Автор разъяснял, что в его эклогах «возвещается нежность и верность, а не злопристойное сластолюбие и нет таковых речей, кои бы слуху были противны», что «любовь источник и основание всякого дыхания, а в добавок сему источник и основание поэзии».³⁴

Таким образом, в групповых посвящениях независимо от их объема, прозаической или стихотворной формы обычно заявляется основная тема книги — учебная, нравоучительная, религиозная, патриотическая, любов-

³⁰ Иоанна Масона А. М. Познание самого себя... М., 1783. Ч. 1. С. 3 нenum.

³¹ См. о нем: Сазонова Л. И. Переводной роман в России XVIII века как *ars amandi* // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. Памяти П. Н. Беркова. С. 132–136.

³² <Дрё дю Радье Ж.-Ф.>. Любовный лексикон. СПб., 1768. С. 5 нenum.

³³ Поэма. Любовь С. А. Дворянина философа <Ф. И. Дмитриева-Мамонова>. М., 1771. С. 3 нenum.

³⁴ Эклоги Александра Сумарокова. <СПб., 1774>. С. 4–5 нenum.

ная. Характеристика адресата дается самая общая или совсем отсутствует. Здесь, как правило, трудно найти какие-либо конкретные детали, помогающие воссоздать биографию автора. Далеко не всегда соблюдается эпистолярная форма. Чаще всего текст посвящения дается без подписи или с подписью без имени: «издатель», «переводчик». По своему характеру эти посвящения ближе к жанру предисловий, чем персональные. Чем точнее называется адресат, тем больше присутствует в тексте посвящения личное начало, как это можно заметить на примере упоминавшегося «приношения» И. П. Тургенева «благодетелям и друзьям», имеющего и более «личную» подпись, означенную, правда, лишь инициалами: «I. T.».

В отличие от групповых, персональные посвящения решительно преобладают в русских изданиях XVIII—начала XIX века, причем не только в книгах, но и в журналах. Журнал А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» (1759) открывался стихотворным посвящением великой княгине Екатерине Алексеевне:

Умом и красотой и милостью богиня,
О, просвещенная Великая княгиня!
Великий Петр отверз к наукам россам дверь.
И вводит в ону нас его премудра дщерь.
С Екатериною Петру подобясь ныне
И образец дая с Петром Екатерине,
Возвысь сей низкий труд примерами ея
И покровительством Минерва будь моя!³⁵

Как справедливо отметил П. Н. Берков, это посвящение имело характер «политической демонстрации» и представляло «личный вызов» правящей в это время Елизавете Петровне.³⁶ Несколько по-иному, но тоже с определенным политическим расчетом использовал опыт Сумарокова Н. И. Новиков, «приписывая» свой журнал «Живописец» (1772–1773) «неизвестному г. сочинителю комедии „О время!“», т. е. Екатерине II.

В журнальной практике XVIII—начала XIX века встречаются случаи, когда разные части периодического издания имеют и разные посвящения. Довольно необычное «приписание» поместил в первой части своего журнала «Старина и новизна» (1772) В. Г. Рубан — стихотворение, обращенное к господину «Имя-реку», который «труды ученых почитает». Вторая часть этого журнала имеет традиционное посвящение А. А. Вяземскому. М. И. Невзоров (1762 или 1763–1827), получивший существенную поддержку со стороны М. Н. Муравьева, попечителя Московского университета, ему и посвятил свой журнал «Друг юношества», который начал выходить с января 1807 года. В этом же году Муравьев скончался, но журнал продолжал существовать по апрель 1815 года. С января 1813 года он издавался под названием «Друг юношества и всяких лет», и январский выпуск имел посвящение другому «благодетелю» Невзорова — И. В. Лопухину, который деятельно сотрудничал в издании, «наполняя» его «первейшими и лучшими статьями, делающими ему честь и украшение,

³⁵ Трудолюбивая пчела 1759 С 3 нenum

³⁶ См. Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века М., Л., 1952 С 117

по которым он особенно из *Друга юношества* должен был называться *Другом юношества и всяких лет*.³⁷ Д. И. Фонвизин демонстративно нарушал существовавшую традицию, назвав свой журнал «Друг честных людей, или Стародум» (1788) (так и не появившийся в печати при жизни автора из-за цензурных препятствий) «периодическим сочинением, посвященным истине»³⁸

Журнальные посвящения чаще всего не имеют подписи или подписаны без имени: «Со^счинитель» Живописца», «издатели» и т. п. Но и в этом случае они могут служить важным источником сведений об авторе и об адресате. Еще в большей степени это относится к книжным посвящениям, подпись под которыми в очень многих случаях служит единственным источником атрибуции сочинения или перевода. Персональное посвящение отражает отношения между автором (переводчиком, иногда издателем) и адресатом — отношения, которые, как между любыми людьми, могут изменяться. Поэтому наличие или отсутствие посвящения в части тиража или в разных изданиях одной и той же книги — факт, сам по себе имеющий немаловажное значение для характеристики литератора, его общественной и нравственной позиции, эволюции его отношений с адресатом.

Зная биографию А. М. Грибовского (1767–1834), ловкого и беспринципного политика,³⁹ можно соответствующим образом расценить тот факт, что его перевод повести Ф. Т. М. Бакюляра д'Арно «Опасность городской жизни» появился в 1784 году с посвящением княгине Е. П. Барятинской, а спустя четыре года в 1788 году вышло титульное издание этого же перевода под названием «Городской житель в искушении» уже без посвящения. Очевидно, надежды Грибовского на покровительство княгини не оправдались, и посвящение было снято. Может быть, по той же причине «именинный стихотворец» П. М. Карабанов (1765–1829), посвятивший свои «Стихотворения...» (1801) Ф. В. Раstopчину, выпустил второе издание этого сборника в 1812 году уже без посвящения. И. И. Завалишин при переиздании своей книги «Сокращенное землеописание Российского государства» (1792) в 1793 году снял посвящение Ф. Е. Ангальту, директору Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, под началом которого Завалишин служил до 10 декабря 1792 года.⁴⁰ Впрочем, отказ от посвящения при переиздании книги далеко не всегда свидетельствовал о беспринципности автора или перемены его отношения к адресату. Так, Н. И. Новиков, предваривший свое издание книги А. И. Лызлова «Скифская история» (1776) письмом-посвящением собирателю рукописей и знатоку русской старины П. К. Хлебникову, снял этот текст во втором издании (1786), возможно просто потому, что обращение к человеку, которого давно уже не было в живых, могло показаться неуместным (Хлебников скончался в 1777 году)

³⁷ Друг юношества и всяких лет 1813 Январь С 6–7 нenum

³⁸ Фонвизин Д. И. Собр. соч. В 2-х т. М., Л., 1959 Т. 2 С. 40

³⁹ См. Кочеткова Н. Д. А. М. Грибовский как литератор XVIII века // Zeitschrift für Slawistik 1988 Bd 33 N 6 S 843–853

⁴⁰ См. Словарь русских писателей XVIII века Л., 1988 Вып. 1 (А–И) С. 321–323

Как и в практике европейских писателей,⁴¹ у русских литераторов встречаются посвящения разным лицам отдельных томов одного и того же издания: каждая книга имеет свое посвящение. Это характерно, в частности, для изданий Я. П. Козельского.⁴² Первую часть своего перевода книги Верто д'Обефа «История о переменах, происходивших в Швеции...» (1764) он посвятил директору Инженерного корпуса А. Н. Вильбоа (своему непосредственному начальнику), а вторую, вышедшую через год, — Е. А. Нарышкиной, в благодарность за ее «высокую милость». Подобным образом поступил Козельский, издавая свой перевод «Истории датской» (1765–1766) Л. Гольберга: первая часть имеет посвящение Г. Г. Орлову, а вторая — его брату Ф. Г. Орлову. С книгой Козельского «Рассуждения двух индийцев Калана и Ибрагима» (1788), имевшей торжественное посвящение Екатерине II, весьма бесцеремонно поступил Н. М. Амбодик-Максимович, переиздавший ее своим иждивением в том же году под названием «Китайский философ, или Ученые разговоры двух индийцев Калана и Ибрагима» без указания автора, заменив посвящение Козельского собственным — посвящением своему начальнику А. О. Закревскому. Чужое сочинение использовалось для того, чтобы засвидетельствовать «глубочайшее высокопочитание» и преданность покровителю: тексту посвящения соответственно придавалось большее значение, чем тексту самого сочинения. Впрочем, поступок Н. М. Амбодика-Максимовича — достаточно редкое явление в издательской практике того времени. Чаше издатели предпосылали свои посвящения книгам уже умерших авторов, и самая работа над изданием оказывалась уже их собственной несомненной заслугой (примером может служить упоминавшееся «Собрание разных сочинений» Ломоносова, изданное Д. Е. Дамаскиным (Семеновым-Рудневым)).

Подносный экземпляр рукописи, как и дарственная надпись на книге предназначались лишь для одного читателя — самого адресата. Печатное посвящение становилось достоянием публики, что должно было быть особенно лестно: литератор восхвалял адресата «пред целым светом». Посвящение — в самой своей основе жанр панегирический, что и отличает его от предисловия и сближает с хвалебной одой или похвальным словом. Комплиментарная литература — подносные стихи, похвальные оды и речи — была связана с некоей «моралью сервиллизма», которой не чужды были и замечательные авторы, как например Ф. Малерб или И.-Х. Гюнтер.⁴³ На русской почве этот обычай «ласкати царям» (выражение А. Н. Радищева) принес разные плоды: с одной стороны, это и комплиментарные, но наполненные глубоким общественным содержанием и истинным поэтическим вдохновением стихи М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, М. М. Хераскова; с другой — множе-

⁴¹ См.: *Genette G. Paratexts*. P. 127. В качестве примера приводится, в частности, роман Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1760–1767, т. 1–9).

⁴² См.: *Степанов В. П.* Козельский Я. П. // *Словарь русских писателей XVIII века*. СПб., 1999. Вып. 2 (К–П). С. 91–93.

⁴³ См.: *Пумпянский Л. В.* Ломоносов и немецкая школа разума // *Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-литературном контексте*. Л., 1983. С. 6–7. (XVIII век. Сб. 14).

ство мало замечательных в художественном отношении произведений сервильных стихотворцев, готовых прославить любого владыку и покровителя в надежде на вознаграждение.⁴⁴ Этот широкий спектр можно наблюдать и при обращении к текстам посвящений. И. Г. Рейхель, «приписывая» свою книгу «Краткая история о Японском государстве...» (1773) уже упоминавшемуся собирателю книг и рукописей П. К. Хлебникову, писал: «Приносящие и посвящающие другим свои книги по большей части ищут тем нечто себе приобрести, или милость у других, или повышение чина, или награждение, или славу; и для того часто случается, что такие приношения немногих имеют читателей и у самых тех приходят в презрение, коим бывають поднесены или как будто силою навязаны».⁴⁵ Свое посвящение Рейхель противопоставляет этой традиции, восхваляя Хлебникова за его «любовь к наукам» и исторические познания.

Исследователи отмечали, что «еще в манускриптах установился характер оформления текста панегирических посвящений: обязательные интервалы, жесткая система абзацных отступов, выделение крупными литерами имени и титула адресата».⁴⁶ Данная схема, сохранившаяся и в русских печатных изданиях конца XVIII—начала XIX века, предполагала также подробное перечисление титулов, званий, должностей, а нередко также орденов лица, которому посвящалось сочинение.⁴⁷

Нередки были заверения литераторов, что главным украшением их труда будет прежде всего имя той персоны, которой он посвящен. Поэтому «называнию» адресата придавалось исключительно большое значение: обязательно было назвать имя, отчество и фамилию. Лишь очень редко этот главный компонент персонального посвящения отсутствует.

Примером подобного исключения может служить упоминавшееся «приписание» Новикова в «Живописце». Посвятить литературный труд императрице Екатерине II как покровительнице было можно, и позднее сам Новиков так и поступил, издавая «Древнюю российскую вивлиофику» (2-е изд., 1788–1791). Но как литератор государыня выступала анонимно, и Новиков весьма удачно использовал возможность посвящения, чтобы обратиться к ней как автору комедии, не называя ее, но почтительно и лестно отзываясь о ее литературных занятиях. Издатель «Живописца» писал: «.. может быть, особенные причины принуждают вас укрывать свое имя; ежели так, то не тшусь проникать оных. И хотя имя ваше навсегда останется неизвестным, однако ж почтение к вам мое никогда не умалится. <. > Вы открыли мне дорогу, которая я всегда страшился; вы возбудили во мне желание подражать вам в похвальном подвиге исправлять нравы своих единоземцев, вы поострили меня испытать в том свои силы: и дай Боже! чтобы читатели в листах моих находили хотя некоторое

⁴⁴ См. *Западов В. А.* Проблема литературного сервилизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г. Р. Державина // *Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века* Л., 1989 С. 56–75 (XVIII век Сб. 16)

⁴⁵ <Рейхель И. Г.> *Краткая история о Японском государстве*, из достоверных известий собранная М., 1773 С. 5 нелум

⁴⁶ *Бердников Л. И.* Из истории книжного посвящения в России (Кириак Кондратович и Господин Господинович) С. 166

⁴⁷ См. *Warda A. Z.* obserwacji nad dedykacjami mecenasowskimi S. 35–36

подобие той соли и остроты, которые оживляют ваше сочинение..»⁴⁸ Для большинства читателей, так же как и для Новикова, имя сочинителя комедии «О время!» не составляло секрета, и они таким образом включались в своеобразную литературную игру между издателем и адресатом его посвящения.

К концу столетия в связи с общей эволюцией литературных принципов постепенно меняются и жанровые особенности посвящений, которые начинают приобретать менее официальный характер, о чем подробнее будет сказано в следующем разделе нашего исследования. Отметим здесь, что важные перемены происходят и в самом «назывании» адресата: иногда указываются только инициалы или сокращенная фамилия, иногда не названо ни имени, ни фамилии, но текст посвящения позволяет адресату узнать себя. Такое посвящение сопровождает печатное издание, доступное многим читателям, но раскрыть адресат могут только люди, достаточно близко знающие автора, причастные к его личной жизни. Так, А. Н. Радищев, издавая «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) и посвящая ее своему другу А. М. Кутузову, называет лишь его инициалы «А. М. К.». В то же время достаточно внимательный читатель, даже не знакомый с автором, легко мог расшифровать эти инициалы, если в его руках было «Житие Федора Васильевича Ушакова» (1789) Радищева с посвящением, в котором писатель называл полностью имя, отчество и фамилию адресата: «Алексею Михайловичу Кутузову».

Вторая книга альманаха Н. М. Карамзина «Аглая» (1795) имеет посвящение: «Другу моего сердца, единственному, бесценному». Имя друга не названо, но при издании своего перевода повести Ж. де Сталь «Мелина» (1795), посвященной «Настасье Ивановне Плещеевой в знак дружбы и почтения от переводчика», Карамзин указал: «Ей же приписана и книжка „Аглая“».

Любопытный пример анонимного адресата представляет собой посвящение перевода повести Ф. Т. М. Бакюльера д'Арно «Сидней и Волсан» (1794), выполненного некоей женщиной, подписавшейся инициалами «С. Ф.». В пространном письме-посвящении, обращенном к «милостивейшей государыне», в частности, говорится: «... единственная цель моя была, упражняясь для провозждения времени в переложении повести сей, учинить занятие мое для меня приятным, и не из тщеславия предаю тиснению, подвергая погрешности порицанию с твердостью духа, но дабы токмо прославить героев сей повести и Героиню сердца моего, *поместив имя сострадательницы страждущего человечества в заглавие книги*, толико приличной имени сему. Позвольте, милостивая государыня, посвятить вам первые опыты слабых трудов моих и ласкать себя, что оные с снисхождением приняты будут моею милостивцею...»⁴⁹ Станным образом имя «милостивицы» осталось не упомянутым, что можно объяснить, вероятно, ее подчеркнутой скромностью, заставившей изъять лист с наименованием адресата.

⁴⁸ Живописец 1772 Ч 1 С 3 нenum

⁴⁹ Сидней и Волсан, аглинская повесть Из сочинений господина д'Арнольда М, 1794 С 7-8 нenum (Курсив мой — Н К)

Переводчик сборника «Антония, дочь графа О... с присовокуплением разных <...> повестей, выбранных из новейших лучших немецких писателей» (1793), скрывший собственное имя за инициалами «И. М.», предварил текст книги посвящением: «Почтеннейшему моему другу В...А...Л...». Расшифровка подобных посвящений нередко оставалась для большинства читателей, а также позднейших исследователей невыполнимой задачей. Элемент некоторой тайны, известной лишь немногим, придавал этим посвящениям особый интимный характер.

Даже легко читаемые сокращения фамилий иногда могли ввести в заблуждение. Так, П. И. Шаликов посвятил свое «Путешествие в Малороссию» (1803) «Любезным сердцу моему Андрскому, Бнну, Тшву». Зная, что в дружеский круг Шаликова входил Б. К. Бланк (1769–1825), нетрудно было прочесть одну из этих фамилий как «Бланку».⁵⁰ Между тем в «Другом путешествии в Малороссию» (1804) Шаликов полностью называет фамилии тех же друзей: «Андревскому, Бунину, Таушеву».

Не менее важным, чем «называние» адресата, в посвящении была и подпись. Вполне понятно, что это совершенно необходимый компонент в панегирическом «приписании». Государь, вельможа, начальник по службе — каждый из них должен был знать имя «сочинителя» или «трудившегося в переводе». Показательно, что полное имя литератора нередко стоит не на титуле, а после текста посвящения. Если книга содержала и посвящение, и предисловие, то подпись, конечно, следовала после первого, или первое завершалось полной подписью, а второе могло быть подписано инициалами. Жанровое различие между посвящением и предисловием проявлялось здесь особенно наглядно. Так, В. Т. Золотницкий в своей книге «Состояние человеческой жизни...» (1763) подписал посвящение А. К. Разумовскому словами «Покорнейший слуга Владимир Золотницкий», а следующее затем предисловие, адресованное «благодарному читателю», — «Ваш покорный слуга В. З.». Так же он поступил и при издании своей книги «Сокращение естественного права...» (1764), посвященной А. Б. Куракину.

Правда, встречаются панегирические посвящения, в которых по всем правилам назван адресат, но имя автора или переводчика отсутствует. Это могли позволить себе литераторы, занимавшие достаточно высокие посты, лично хорошо знакомые с адресатом и предпочитавшие выступать в печати анонимно. Так, влиятельный вельможа И. П. Елагин посвящает свой перевод трагедии И. В. Браве «Безбожный» (1771) фавориту императрицы графу Г. Г. Орлову и подписывает посвящение: «Вашего сиятельства всепокорнейший слуга. Переводчик». Для адресата, впрочем, не было никакого секрета в имени переводчика, так как в самом тексте посвящения Елагин писал: «Ваше сиятельство желали, чтоб перевел я трагедию *Безбожного* Я сие исполнил. перевел ее и при сем перевод мой посылаю »⁵¹ Своеобразным указанием на авторство перевода была также помета: «В Селе Сарском».

⁵⁰ См. Степанов В. П. Бланк Б. К. // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1 (А–И). С. 94.

⁵¹ Безбожный. Трагедия в пяти действиях г. Браве. Переведена с немецкого. СПб., 1771. С. 5 нунум.

Графу А. Г. Орлову посвятил свою книгу «Излияние сердца, чтущего благость единоначалия...» (1794) И. В. Лопухин, подписавшийся: «Сочинитель». Из текста посвящения так же совершенно ясно, что автор и адресат хорошо знакомы. «Я уверен, — писал Лопухин, — что Ваше сиятельство сие приношение мое изволите принять с обыкновенным Вашим ко мне благоволением, которое тем больше приносит мне чести и удовольствия, что оно, сказать осмелюсь, не есть приобретение корыстного и ласкательного искания, но бесценный дар чувствованиям, нелицемерно чтущим отличающее Вас великодушие и подвиги славные и для отечества полезные»⁵² Вслед за посвящением следовало своеобразное предисловие — обращение «От сочинителя читателю», в котором Лопухин, в частности, заявлял: «Имя мое скрываю я только для того, чтоб можно мне было, не нарушая правил учтивости, наслаждаться молчанием при всех разнообразных суждениях, которые могут последовать о сем сочинении моем. <...> Звание мое не есть быть писателем и отличиться в литературе. Дело пера моего бывало писать и подписывать решения уголовных дел; открывать преступления; пользуясь законами царствующей ныне на российском престоле Милости шадить человечество и оправдывать иногда невинность».⁵³ Таким образом, автор, в прошлом председатель Московской уголовной палаты, помогал не только адресату, но и «любезному читателю» узнать его.

В посвящениях членам царской семьи, так же как в письмах и прошениях на высочайшее имя, литератор называл себя «Вашего императорского высочества всенижайший раб» или «всеподданнейший раб» до указа Екатерины II от 15 февраля 1786 года, отменявшего такое обращение и заменявшего его словами «верноподданный» или «всеподданнейший». Свою «Оду. На истребление в России звания раба» (1786) В. В. Капнист подписал «верноподданный В Капнист».⁵⁴ Так же соответственно стали подписываться и прошения, и посвящения. При обращении к вельможам и людям достаточно высокого социального положения формулы подписи варьировались достаточно разнообразно (варианты приведены в исследовании А. Варды), но стандартными оставались подписи — кальки с французского: «le plus humble et le plus soumis serviteur» («всепокорнейший и нижайший слуга»), «très obéissant et très obligé serviteur» («всепокорнейший и признательнейший слуга») и т. п.⁵⁵

Постепенно шаблонные формулы посвящений начинают все больше варьироваться, становясь менее официальными и казенными. Этот процесс, как и в европейских странах, был обусловлен изменениями в общественном и в художественном сознании. С развитием нового литературного направления — сентиментализма — трансформируется самая жанровая

⁵² <Лопухин И В> Излияние сердца, чтущего благость единоначалия М, 1794 С 6 нenum

⁵³ Там же С 8

⁵⁴ См Ермакова-Битнер Г В Примечания // Капнист В В Избранные произведения Л, 1973 С 542

⁵⁵ Распространению этих обращений способствовало, конечно, то обстоятельство, что значительная часть корреспонденции в России XVIII в велась по-французски См, в частности Письма русских писателей XVIII века Л, 1980

система, интенсивнее идет взаимодействие между литературными и документальными жанрами, причем особенно возрастает роль дружеской переписки.

С ростом посвящений, не имевших сервильного характера, адресованных другу, члену семьи, возлюбленной, меняется и отношение к правилам подписи. Становятся довольно многочисленны случаи, когда вместо полной подписи приводится сокращенная или стоят только инициалы, которые, очевидно, нетрудно расшифровать адресату. Подобные примеры встречаются уже в 1760-е годы. Так, литератор Николай Даниловский предпосылает своему переводу восточной повести А. Ж. Ла Поплиньера де Ле Риша «Даира» (1766–1767. Ч. 1–4) довольно пространное «Письмо» — посвящение своему другу «А. Г. Толс<тому?>» с подписью: «Н. Дан». Эпистолярная форма подчеркивается указанием точной даты и места: «Маия 25 дня, 1766 года. Из Москвы». В конце XVIII—начале XIX века все чаще встречаются подписи «ваш верный друг и покорный слуга» или просто «твой верный друг», «искренний твой друг» и т. п.

Наряду с прозаическими посвящениями, которые встречаются, правда, гораздо чаще, существовали стихотворные, примеры которых уже приводились выше. Нередко они представляли собой как бы самостоятельные произведения, аналогичные подносным стихам, но сопровождавшие какое-то другое сочинение или перевод. Так, И. С. Барков предварил издание своих переводов «Сатир» Горация (1763) развернутым стихотворным посвящением Г. Г. Орлову. В. П. Петров сопроводил свой перевод первой части «Енеиды» Вергилия (1770) стихотворным посвящением наследнику престола Павлу Петровичу.

С камерной поэзией соотносимы стихотворные посвящения, обращенные к другу, возлюбленной, супруге. Так, И. И. Хемницер (1745–1784) предварил свой сборник «Басни и сказки» (1779) лирическим стихотворением, адресованным Марии Алексеевне Дьяковой. Спустя двенадцать лет, когда Хемницера уже не было в живых, в печати появилась поэма Н. А. Львова «Русский 1791 год» (1791). Издание открывалось стихотворным посвящением «милостивой государыне» — той же Марии Алексеевне, в 1780 году вышедшей замуж за Львова, друга Хемницера. Две книги, разделенные значительным промежутком времени, оказались связаны между собой посвящениями. В стихотворении Львова есть строки, непосредственно напоминающие о Хемницере, его сборнике и посвящении:

Пороков злых гонитель
И истины ревнитель,
Природы друг простой,
Хемницер дорогой,
Талант свой дружбы в дар священный
Залогом положил,
Светильник истины возженный
Тебе в покров он посвятил <...>⁵⁶

⁵⁶ *Львов Н. А.* Избранные сочинения / Вступ. статья, сост., подготовка текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Кёльн, Веймар, Вена, СПб., 1994. С. 165–166, 406.

Посвящения отражают жизнь дружеского круга, семейные отношения, что сближает их с литературным бытом, с той «домашней» литературой, которая получает широкое распространение в конце XVIII—начале XIX века.

Таким образом, посвящение оказывается чрезвычайно гибким жанром, который может соотноситься с другими как документальными, так и литературными жанрами, включая и панегирическую оду, и официальное прошение, и хвалебную эпистолу, и дружеское письмо, и стихотворное послание, приобретая лирический характер. В большей или меньшей степени текст посвящения связан с содержанием книги, которой он предшествует. Характер этой связи, тематика и стилистика посвящений — все это требует дальнейшего специального исследования. Но даже настоящий предварительный обзор обнаруживает, как широко русские писатели использовали богатые возможности этого жанра, как разносторонне он отражал те процессы, которые происходили и в литературе, и в самом общественно-культурном сознании людей той эпохи.